

Коми рассказ конца XX – начала XXI в. в осмыслении противоречий современности

Публикация подготовлена в рамках проекта программ Президиума РАН № 12-П-6-1013 «Опыт развития коми литературы: творческая индивидуальность и художественный процесс».

Т. Л. Кузнецова,

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
заведующий сектором литературоведения
ФГУН «Институт языка, литературы
и истории Коми научного центра
Уральского отделения РАН»
(г. Сыктывкар, РФ)

В художественном опыте коми рассказа конца XX – начала XXI в. в полной мере отразились противоречия времени. Наполнившись разрушительной энергией, он переживает сложности в создании целостного взгляда на мир. Вполне справедливо исследователи отмечают, что «...внутри “малой формы” – дальнейшее разрушение целостности, мир расплывающийся, деструктурированный, переполненный хтоническими символами и первичными архетипами» [1, 4]. Наотмашь разрушая мир, рассказ в полной мере выражает ощущение катастрофичности, охватившее общество. В разрушительности рассказ обретает весьма специфические черты: столь сильно в нем волнение чувств в выражении мироощущения современника. Художественная специфика образов обусловлена духовной атмосферой времени, когда преобладают чувства, эмоции. В пафосе отрицания рассказ чаще воссоздает весьма субъективное восприятие мира (что, видимо, вообще характерно для искусства сложного переходного периода. Неспроста в этот

сложный период переосмысления, поисков новых решений в коми литературе интенсивно развивается поэзия, более того, мы можем вести речь об активном развитии женской поэзии, более тонко выражающей отношения современника с миром).

В рассказах первых лет «перестройки» (даже самых художественно несовершенных) доминирует стремление выразить мироощущение современника. Этим обусловлена и тяга художественного текста к обобщенности, метафоричности (что, конечно, выражает особенности художественного мышления авторов). Испытывая определенные сложности в художественном осмыслении, писатели все же находят емкие образы, выражающие дух времени, умонастроения современного общества. Так, рассказ А. Ульянова «Сьод ар» («Черная осень», 1989), представляя обобщенный образ времени, занял особое место в культурном пространстве республики периода порубежья. В произведениях А. Ульянова, насыщенных метафорическим значением, специфическую роль в художественном воссоздании времени получает колористика. Особенности его колористики с ее тяготением к темным оттенкам естественно выражают мироотношение и духовное состояние современного общества. Не только в рассказе «Сьод ар», получившем особый статус, цветообозначение символично: в повести А. Ульянова «Чипан Миш» колористика несет подобную художественную функцию; немаловажно, что данная повесть – произведение незавершенное и во многом близкое к рассказу; видимо, именно малые формы прозы органично выражают художественное мышление автора. Образ потерявшихся душ, созданный А. Ульяновым в рассказе «Вошлём

ловьяс» («Потерявшиеся души», 2005), также имеет обобщенную семантику. Следует отметить, что в художественной ткани данного образа ощущаются реминисценции из А. Лужилова: в его поэзии (стихотворения «Виттор», 1988, «Коть и ачим муна пемыд вөрöd» – «Хоть и сам иду темным лесом», 1994 и др.) и драме «Ыджыд висьöm» («Тяжелая болезнь», 1997) особое место занимает образ души.

Несомненно, художественная сила обобщения скрыта и в рассказах Г. Юшкова, формирующих цикл (рассказы «Часовня», 1989, «Лов пыкös» – «Камень на душе», 1989, «Му выв олысь» – «Хозяин земли», 1989, и др.). Думается, к обобщенности семантики тяготеет и рассказ А. Попова «Лек песöm» («Злоба», 1992), также выразительно воплощающий мироощущение современника. Хаос, воцарившийся в мире, находит в данном рассказе непосредственные формы выражения: главный герой, поджигая свой дом, готов сгореть сам в огне пожара.

В рассказах первых лет «перестройки» доминирует стремление выразить мироощущение современника. Этим обусловлена и тяга художественного текста к обобщенности, метафоричности.

Если в вышеуказанных произведениях создан обобщенный (в определенном смысле рассказы несут символическую семантику) образ времени, то в рассказе И. Ногиева «Руб» (2006) психологически точно и емко воссоздана духовная атмосфера времени, когда каждый отдельный человек в полной мере ощущает собственную беспомощность и никчемность. В рассказе нашел воплощение индивидуализированный лик времени; психологизация образа главного героя способствует индивидуализации его характера. Пронзительно обнажена правда жизни в восприятии ребенка – главного героя рассказа И. Ногиева. Как и в рассказе П. Доронина «Кык патрон» («Два патрона», 1932), мир в восприятии ребенка предстает в гримасах противоречий. Чувство неустроенности, ощущение опустошенности подчеркнуты грустной иронией.

Нездоровое состояние юного героя рассказа Н. Куратовой «Висьтасьöm» («Исповедь», 1995), не принимающего мир, не способного внять добру и участию, связано не только с семейными проблемами. Сравнение (в переводе невозможно адекватно воспроизвести его семантическую наполненность), лежащее в основе образа, тонко характеризует состояние героя, в бессилии отталкивающего окру-

*Коми прозаик
Александр Ульянов*

*Поэт, прозаик,
драматург
Геннадий Юшков*

жающих, остро переживающего конфликтные отношения с миром: «...кос жель моз сідзи и чегсьö, некодös оз сибöd дıнас. Ненавижу пö папу и маму, и тебя, бабуля, тоже!» («...словно сухая тонкая лучинка, так и гнется, ломается, никого к себе не подпускает»). Симптоматично, что образы людей творческих профессий и детей аккумулируют в себе наиболее емкую и выразительную художественную энергию.

Следует отметить, что даже в произведениях Н. Куратовой, сложившуюся концептуальную основу творчества которой составляет убеждение, что женский характер, сильный, устойчивый, выдержит все испытания и именно в женщине сконцентрирована извечная, неиссякаемая сила жизни, появляются несколько иные краски (писательница настолько последовательна в конструировании характера женщины, что впору вести речь о создании единого женского характера, слагаемого из разных, представленных в ее рассказах и повестях [3]. Мироощущение героини рассказа Н. Куратовой, оптимистичной, безоглядно верящей в силу и разум человека, омрачено тенью недоумения; она также осознает, что нарушена целостность уз, надежно и гармонично связывавших ее с миром. Возможно, оттого создается впечатление, что жизнелюбивая лирическая энергия, излучаемая героинями произведений Н. Куратовой постсоветского периода, словно приглушена. Героиня, ошеломленная реалиями окружающей действительности, ощущает себя в изоляции, она с тревогой всматривается в гримасы изменившегося мира в попытках познать его, понять. Так, тетка Анна, героиня рассказа «Важ печкан» («Старая прялка», 2002), горестно наблюдает, как дети и внуки легко и безоглядно расстаются с памятью о прошлом (вознамерились выбросить старую прялку). Тетка Ульяна, героиня рассказа «Висьтасьöm», не находит слов, чтобы выразить свое

отношение к разительным переменам. В ее монологе нарастает тревога, создающая ощущение того, что мир рушится: «...ог вед бур мойд сяркөд – медлексö. Медым челядь ай-мамлы тадзи! Да медым уджтöг гымъялисны ен мужикъяс! Да медым кутшöмъя зептысь юисны! Кампужитчисны! Тешитчисны челядь вылас! А кодi оз вись тайö сös висьöмнас, мöд пöлös висьöм пöдтö найös. Колöм висьöм. Да нöшта на страшнöйторджык – веськодълун...» («...не хорошую сказку ведь докладываю – самую плохую. Да чтоб дети так родителям! Да чтоб без работы здоровые мужики ступали-вышагивали! Да чтоб пили неизвестно на что! Буянили, дебоширили! Издевались над детьми! А того, кто не страдает этой гадкой болезнью, другая болезнь душит. Болезнь, когда человеку все хочется иметь. Да еще страшнее – равнодушие...»).

Энергия героя чаще направлена на переосмысление прошлого, обдумывание былого, что находит формы выражения в произведениях исповедального и мемуарного характера.

Подчеркнем, что образ созерцающего героя играет особую художественную роль в изображении разрушающегося мира (то, что герой отстранен от рушащейся жизни, также выражает дисгармоничность его связей с миром). Ошеломленный герой наблюдает, как, подобно лавине, несется хаотичный поток жизни.

В современном рассказе воцаряется острое чувство безысходности, в частности, благодаря тому обстоятельству, что, многократно повторяя и углубляя, писатели словно нагнетают апокалиптические мотивы; более того, даже в творчестве отдельного автора наблюдается своего рода амплификация – развитие, варьирование, нагнетание, усиление подобных мотивов. Так, А. Ульянов в рассказе «Сьöd ар» выразительно показал процесс разрушения устоев жизни; в определенном смысле это произведение можно считать симптоматичным и выразительным художественным явлением времени. Однако в рассказах «Виль керка» («Новый дом», 1996), «Джуджыд керöсын, гажа нöрысын...» («На высокой горе, на красивом пригорке», 2002), «Вошлöм ловьяс» также эсхатологические ощущения, принимая иные художественные формы, усугубляют, нагнетают данную мысль. Если в рассказе «Сьöd ар» автор

повествует о полной драматизма истории жизни Петыра, покончившего с собой, в произведении «Вошлöм ловьяс» Ульянов применяет несколько иные принципы художественного изображения. Рассказывая о путешествии двух заблудших душ, писатель так строит повествование, что, не проникая в глубины характеров, не детализируя психологическое изображение, он создает впечатление, что только открывает счет заблудшим, потерянным душам: их много, их неисчислимо количество. Касаясь причин смерти данных героев, автор словно подчеркивает, что смертей великое множество и причины их самые разные. Если в рассказе «Сьöd ар» изображение сосредоточивается в ареале маленькой, умирающей деревни, ощущениях и переживаниях героя рассказа Петыра, то в рассказе «Вошлöм ловьяс» пространство изображения ширится. Образы заблудших душ, парящих над родной деревней, рекой, в сущности, потерявших ориентацию, удивительным образом позволяют читателю абстрагироваться, и это обстоятельство усиливает эффект художественного обобщения. У читателя создается ощущение, что весь мир повержен в хаос, пучину непонимания.

С исчезновением пафоса героизации, свойственного литературе советского периода, в рассказе нашла отражение, с одной стороны, дегероизация, порой нарочитая, принимающая даже формы откровенной «чернухи», а с другой – обычное, повседневное течение жизни, ее второстепенные моменты и реалии.

Власть разрушительных сил, что во многом определяет мышление современного общества, конечно, препятствует тому, чтобы сюжет базировался на созидательном действии. Энергия героя чаще направлена на переосмысление прошлого, обдумывание былого (общество переживает период переосмысления), что находит формы выражения в произведениях исповедального и мемуарного характера. Данные особенности эстетики коррелируют и с тем обстоятельством, что кардинально меняется художественная природа литературы, исчезает явно или незримо присутствующая в литературе советского периода (даже в произведениях аналитически-критической направленности) тяга к

идеалу¹, созидательный пафос исчезает и из сферы авторского сознания. Это обстоятельство во многом становится определяющим.

В осмыслении драматичного времени рассказ стремится к убедительности, достоверности (это, безусловно, связано с освобождением литературы от свойственного советскому искусству желания изобразить жизнь такой, какой предпочтительнее было ее видеть). Тяга рассказа к достоверности выражается и в предметной изобразительности. Так, в рассказе М. Остаповой «Кымын арӧс тэныд, пӧль?» («Сколько лет тебе, дед?»), 2007) зарисовка, открывая контрасты современности, представляет портрет преждевременно состарившегося, опустившегося человека и завершает вопросом «Мый лоӧ аски?» («Что будет завтра?»). В. Лодыгин переходит к риторичной, безобразной речи, горько описывающей грустные картины современности в рассказе «Верст джын» («Полверсты», 2008). Изображается безрадостная картина современности и в рассказе А. Вурдова «Заремка» (2008): «...совхоз кисьтисны, клуб тупкисны, лавка ӧтчид-кыкысь вощылас недель чӧжнас... Йӧсӧ эновтисны – вот мый медся лекыс! ...кодӧ юны лӧччис, кодӧ эновтис чужан мусӧ бокысь олӧм корсьны. Да и олысьясыс унаӧн вежсисны мывкыднаныс эз бурлань. ...Сьӧлӧмнысӧ чорзьӧдисны – ӧти кывйӧн кӧ шуны» («...совхоз развалили, клуб закрыли, магазин пару раз в неделю открывается... Люди обделены заботой – вот что самое плохое! ...кто спился, кто вдалеке от родной земли счастье ищет. Да и сознание людей изменилось не в лучшую сторону... Сердца свои ожесточили, если сказать одним словом»), – ведет речь один из героев произведения. В стремлении к достоверности рассказ обретает и определенного рода тенденциозность. Так, Н. Обрезкова дает рассказу близкое к очерковому название «Сикт вежсьӧ бурланьӧ...» («В селе жизнь становится лучше...»), 2007). Фраза из школьного сочинения принимает ироническое значение, вскрывая противоречия, свойственные драматичной современности (тот факт, что в связи с открытием в селе детского дома появляются новые рабочие места, ребенок характеризует как положительный).

Алексей Вурдов

Прозаик и драматург
Александр Попов

Немаловажно и то, что в разрушении мира рассказ теряет художественные качества, обретая черты натуралистичности и сближаясь с так называемой чернухой. С исчезновением пафоса героизации, свойственного литературе советского периода, в рассказе нашла отражение, с одной стороны, дегероизация, порой нарочитая, принимающая даже формы откровенной «чернухи» (рассказы А. Размыслова «Орӧдӧм вуж» («Оборванный корень», 1992), «Бать» («Отец», 1992), Э. Тимушева «Крест» (1999) и др.), а с другой – обычное, повседневное течение жизни, ее второстепенные моменты и реалии (именно с этим обстоятельством связано и впечатление калейдоскопичности). В обращении к повседневной будничности есть также некая нарочитость, желание противостоять свойственной советской литературе утопичности. Можно сказать, в рассказе обострилось внимание к жизни, в нем усугубилось стремление изобразить ее такой, какая она есть. В преувеличенном внимании к калейдоскопичной повседневности, любовании ею рассказ близок к натуралистичности, что, в свою очередь, сродни с сентиментальностью, чувствительностью, к которым расположена литература периода порубежья².

К произведениям данного типа близки и рассказы О. Уляшева – довольно своеобразная форма выражения сознания автора. Прозаик углублен в раздумья, словно находится в поисках непростого решения (часто ирония и юмор автора – своего рода щит, маска): течение жизни, что он фиксирует, будто отделено невидимой границей от сферы мышления автора. Она неуловимо дает почувствовать читателю, что изображаемое в рассказе – всего лишь фон, а основная семантика произведения полуприкрыта («фон» принимает в его произведениях

¹ Отмечая как одну из наиболее характерных особенностей литературы советского периода «опережающее, авангардное изображение жизни такой, какою она может и должна стать», В. И. Тюпа приходит к выводу: «Реалистический “авангардизм”, зародившийся в русской литературе (восходящий еще к соловьевскому тезису “замечать в том, что есть... задатки того, что должно быть”) и утверждающийся в ней, в лучших произведениях, свободных от эпигонства и иллюстративности, не всегда приемлемых с позиций официальной литературной политики соответствующего периода, явился одной из наиболее значительных ипостасей новейшей парадигмы художественности — парадигмы, определяющей лицо искусства XX века» [4, 373].

² Думается, вполне справедливо утверждение М. Эпштейна о том, что «новая сентиментальность» имеет будущее [5, 201–205].

Татьяна Леонидовна Кузнецова

особое значение. Думается, именно в том, что в будничной повседневности писатели видят лишь фон, не усматривая живых красок жизни, находят выражение кризисные моменты, что переживает современник). Автор внимателен к особенностям мироощущения неприметного, самого обычного человека (рассказы «Аддзысьём» («Встреча», 1998), «Пёдруга» (1998), «Тюлень кучик» («Кожа тюленя», 2002) и др.). В действиях, поступках, которые тот совершает в череде дней, открывается простая истина о том, что будни формируют течение жизни и человек включен в это неторопливое движение. Вообще, на путях тех изменений, что переживает современный коми рассказ, он, словно заглядывая в глубь жизни, фокусирует внимание на обычном, среднем человеке. То, что герой не переживает глубоких чувств, озарений, приносящих ему новое видение жизни и кардинальные изменения в духовном состоянии, связано, конечно, и с утвердившимся в современном обществе взгляде о предпочтительном эволюционном, естественном развитии. Рассказ вводит в литературу жизнь в убедительной достоверности, утверждаясь в ее вечной неизменности. Он внимателен к жизни как таковой в ее привычных бытовых проявлениях. В сущности, в пресловутой «безгеройности» и обращенности к пестроте повседневной будничности рассказ постепенно приходит к утверждению самоценности жизни – жизни как таковой. В «безгеройности» есть также некая нарочитость, связанная со скрытым стремлением литературы освободиться от свойственного советскому искусству тяготения изображать жизнь такой, какой хотелось бы ее видеть. Рассказ пытается изобразить жизнь в ее всеохватности, понять ее, исследовать. В то же время в несколько нарочитом упоении рассказа живописанием пестроты жизни скрыта растерян-

ность, что в полной мере ощущает современник, поверженный хаосом жизни.

То, что рассказ видит жизнь как цепь привычных, обыденных, самых обычных событий и происшествий, во многом меняет его поэтику. Засилье повседневности – также выражение состояния поисков, переживаемое современной прозой. Герой возымеет иной статус. При воссоздании разрушающегося мира он занимает центральное место. Но в произведениях, где накал чувств и ощущений отступает на второй план, на первое место выходит сама жизнь в убедительности ее повседневных реалий. Уже не ощущения героя, а его действия, поступки, включенные в привычную череду событий, в центре внимания. Образ героя теряет яркость красок. Современный рассказ достаточно емко характеризуют слова В. Кожина о том, что «в хаотичной пестроте современной жизни проза еще не разглядела и не создала героя» [2, 58]. При внимании к будничному течению жизни с исчезновением особого пафоса, возвышающего героя, рассказ обретает и определенную всеохватность; при утере деятельной, определяющей роли героя в развитии жизни рассказ пытается рассмотреть законы движения жизни, развивающейся вне зависимости от его деятельного участия.

Концентрация внимания на «фоне», придающая убедительность и достоверность изображению, обнаруживает, что рассказу (как, впрочем, и роману) пока сложно открыть сущностные аспекты современной жизни. Это связано с тем, что отношение современника к миру потеряло свою гармонию: мир в его восприятии рассыпается в калейдоскоп

*Обложка
ежемесячного
литературно-
художественного
журнала
«Войвыв кодзув»
(«Северная звезда»),
в котором вначале
публикуются
почти все
произведения коми
писателей.*

хаотичных связей. Рассказ словно уходит «в ширину», ему свойственна экстенсивность особого рода. Развиваясь в данном направлении, он мозаичен. Неспроста О. Уляшев определяет жанр своих рассказов как «олём лестукъяс» (лоскутки жизни) (рассказы «Ковбой» (1998), «Аддзысьём», «Пөдруга»), а А. Одинцов – «олёмысь торпыригъяс» (осколки жизни) (рассказы «Мынтысис» («Расплатилась», 1997), «Пернаа ыж» («Овца с крестом на шее», 1997), «Велөдіс» («Проучил», 1997), «Бурдөдіс» («Вылечили», 1997), «Бомба» (1997)). В то же время происходит своеобразное «накопление» в художественной плоскости рассказа конкретных реалий, воссоздающих повседневное течение жизни.

Рассмотренные особенности художественного развития рассказа, конечно, связаны с ослаблением концептуального взгляда: в фокусе художников – жизнь как таковая, в соотношении «художник – жизнь» второй пункт превалирует. Рассказ переживает период накопления материала: созерцание – вот его удел. Писатели словно упиваются неброской красотой будней.

Коми рассказ рубежа XX–XXI вв. представляет очень непростое, неустоявшееся явление. Он достаточно полно выражает не только состояние поисков, но и своеобразие кризисного периода, испытываемого современной прозой.

Коми рассказ рубежа XX–XXI вв. представляет очень непростое, неустоявшееся явление. Он достаточно полно выражает не только состояние поисков, но и своеобразие кризисного периода, испытываемого современной прозой. Крушение мировоззренческих основ, переживаемое современным обществом, необъяснимо и очень выразительно сказалось на жанре рассказа: ощущение калейдоскопичности, которое производит рассказ (при наличии многочисленных художественно несовершенных произведений), связано с утерей ценностных ориентиров.

В состоянии поиска отказавшись от крупных, ярких характеров, рассказ в очень непростой, переходный период видит жизнь как довольно пеструю мозаику, как хаотичное сцепление событий и явлений. В рассказе, безусловно, нашли воплощенные апокалиптические ощущения, герой растерян, поглощен лавиной разрушающейся жизни, его

Концентрация внимания на «фоне», придающая убедительность и достоверность изображению, обнаруживает, что рассказу (как, впрочем, и роману) пока сложно открыть существенные аспекты современной жизни. Это связано с тем, что отношение современника к миру потеряло свою гармонию.

характер отличается отсутствием цельности (размышляющий и постоянно вопрошающий герой, во многом живущий опытом прошлого, также не способен к выработке целостного взгляда на жизнь). Если в разрушении мира рассказ обретает художественную силу (насыщается обобщенностью, энергией метафоры), то в воссоздании целостной картины жизни он испытывает сложности: настоящее время к этому не располагает.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

рассказ; состояние поисков; дегероизация; апокалиптические мотивы

story; condition of searches; de-heroization; apocalyptic motives

KEYWORDS

Поступила 23.03.2012

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Галина, М. Литература ночного зрения (Малая проза как разрушитель мифологической системы) // *Вопр. лит.* – 1997. – Сент. – окт. – С. 4.
2. Кожин, В. Закон сохранения художественности // *Лит. учеба.* – 1991. – № 6. – С. 58.
3. Кузнецова, Т. Л. «Нывбаба пельпом вылын сулалө муыс!...» (талунъя коми прозаын аныс йылысь серни) (На женских плечах держится земной шар (разговор о женщинах в современной коми прозе) // Кузнецова Т. Л. Литература сьман туйяс: гижысь да кад (Гижөд чукөр) (Пути развития литературы: писатель и время (Сб. ст.). – Сыктывкар, 2003. – С. 80–88.
4. Тюпа, В. И. Альтернативный реализм // *Избавление от миражей: Социалистический реализм с разных точек зрения.* – М., 1990. – С. 373.
5. Эпштейн, М. Прото-, или Конец русского постмодернизма // *Знамя.* – 1996. – № 3. – С. 201–205.

